

Евгений ЛАБУНЕЦ

Не больше. Но и не меньше...

От автора

Любое повествование о морской жизни состоит, в принципе, из рассказов о каких-то событиях, а чаще эпизодах, выходящих за рамки монотонной рутинной и тяжелой работы, каковой является мореплавание вообще и современное мореплавание в частности. С другой стороны, специфические условия этой работы, накладываемые далеко не всегда благоприятной окружающей средой (это, в основном, погода), разнообразием посещаемых мест (это и климат, и языковые, национальные и социальные особенности) и достаточно суровые законы и правила для моряков, обусловленные всей этой спецификой, предполагают более частое возникновение ситуаций, которые не описаны никакими правилами и которые для своего разрешения требуют специфических знаний, больше опыта и сноровки для принятия решений, зачастую нестандартных, чем при работе на берегу (я не рассматриваю здесь обладателей экстремальных профессий). И поскольку в этих условиях ограниченной геометрической (сколько там того парохода!) и социальной среды (экипажи сейчас небольшие) у моряков возникает свой особый метод восприятия действительности и специфический образ мышления, то все эти условия и делают рассказы о морской жизни притягательными для многих читателей, не имеющих в обыденной жизни отношения к морю.

Верно и то, что они являются притягательными и для самих моряков, но уже совсем по другим причинам. Это, в первую очередь, интерес к достоверности повествования, так как мысль о том, что среди моряков не бывает писателей, а среди писателей не бывает моряков, высказывалась неоднократно, в частности, уважаемым автором, В.В. Конечским, и она безусловно имеет под собой серьезные основания.

Это в значительной степени профессиональный интерес (а как бы я поступил в подобной ситуации?), зачастую личный (моряков не так уж много, а судов еще меньше), когда в литературных персонажах угадываются черты реальных знакомых, а в книжных ситуациях — реальные события, а чаще всего, к сожалению, повод для веселья и критики незадачливого автора, который берется описывать то, что никогда не видел, а знает со слов рассказчиков-моряков, которые совсем не прочь "навешать лапши на уши береговому писателю", тем более что и редактор порой наведет такого, с позволения сказать, лоска, что любой такой рассказчик "просто отдыхает".

Отлично сознавая все эти трудности жанра, автор, тем не менее, рискует описать несколько эпизодов из морской жизни, однако не от непреодолимой тяги к литературному творчеству или желания прославиться на этом поприще (отнюдь!), а просто потому, что однажды, сидя за столом с друзьями и расслабленно уступая их просьбе, опрометчиво пообещал изложить на бумаге то, что было рассказано, как говорится, "под рюмку", а обещания свои привык выполнять.

Не больше. Но и не меньше...

Эпизод первый

Теплоход "Кола" стоял у причала в порту Ильичевск, заканчивая погрузку хлопка назначением на Сингапур и четыре порта Японии. Старший помощник капитана Кирилл Белов заканчивал инструктировать четвертого помощника Алексея, которого отправлял в портнадзор для оформления отхода судна. Инструктаж несколько затянулся, так как Алексей выходил в этой должности в первый раз после окончания училища, а там, как известно, таким вещам не учат. Несколько раз повторив, куда должен идти Алексей, к кому обращаться и что при этом говорить, старпом закончил инструктаж строгим напутствием:

— И смотри, Алексей, у тебя в портфеле все судовые документы и дипломы всего комсостава, так что если ты что-нибудь потеряешь, то или кто-то из офицеров не выйдет в рейс, или вообще судно, а если посеешь весь портфель, то на судно можешь не возвращаться, да и домой тоже — все равно найдут и оторвут голову. Поэтому за проходную порта не выходить, только туда — и обратно. Будут проблемы — сразу звони на судно. Ну, вперед!

— Алексеич, я мигом, сто процентов!

Отход, которого ждал с нетерпением весь экипаж, намечался на вечер, но, как это обычно бывает, скорее всего, затянется на всю ночь. А отход ждали с нетерпением, потому что погрузке предшествовал полуторамесный ремонт на Ильичевском судоремонтном заводе, что для экипажа всегда неприятно: и зарплата пониженная, и кормежка в заводской столовой (а следовательно, значительно хуже, чем на судне), не говоря уже о том, что валюту не платят, да и работа не совсем привычная для плавсостава.

Для старпома же и стармеха все это усугублялось тем, что сроки ремонта были сжаты, чтобы не упустить хороший рейс. На третий день после постановки судна в завод капитан вызвал их обоих к себе и сказал:

— Значит так, начальники, груз хлопка на Сингапур и Японию я в пароходстве "выбил", но судно должно быть под погрузкой в порту не позднее пятнадцатого числа следующего месяца, иначе груз заберет кто-нибудь другой, а мы пойдем во Вьетнам, где можем застрять на три-четыре месяца. Так что, все в ваших руках. Вопросы есть?

Вопросов, конечно, не было, и оба "начальника" отправились организовывать "ускоренный" ремонт. А это означало, что обоим им предстояло договариваться с заводом о дополнительных работах, с рабочими о дополнительных и сверхурочных работах, что по тем "героическим" временам (а на дворе стоял 1979 год) делалось, в основном, "через гастроном", и средства на него, естественно, не выделялись, так что предстояло раскошелиться им обоим. Что они и делали, надеясь успеть к сроку и возместить утраты в следующем выгодном во всех отношениях рейсе.

Дело для старпома осложнялось еще и тем, что в эту должность он вступил в первый раз, сразу как судно ошвартовалось у заводской стенки, и опыта такой работы у него просто не было, так что приходилось этот опыт приобретать, что называется, "на ходу". Но ничего, справились. А пришлось и оставаться допоздна на судне, обеспечивая сверхурочные работы, и самому привозить со складов на отцовской "копейке" разные железяки (транспорт — проблема на любом заводе), и бегать по палубе с матросами и заводским прорабом, испытывая механизмы и предъявляя их в действии инспектору Регистра, и много еще того, чему не учат ни в одном училище и что не описыва-

ется ни в каких инструкциях или других руководящих документах.

И вот теперь все это позади, и сегодня вечером (читай: ночью) наконец-то отход.

Зазвонил телефон: вахтенный матрос предупредил старпома, что к трапу подходят его родители. Он посмотрел на часы — 14:05 — закурился и забыл, что отец с матерью обещали приехать к двум часам проводить его.

Кирилл встретил родителей у трапа и проводил к себе в каюту. Он предложил им чай с печеньем (кофе они уже давно не пили) и с помощью матери, которая не могла усидеть на месте, когда сын хозяйничает, накрыл стол.

Отец, старый капитан, сначала танкерист, затем известный китобой, закончил свою морскую карьеру после перенесенного в рейсе инфаркта несколько лет назад в должности капитана-директора китобойной флотилии. Затем, проработав еще пару лет на берегу в качестве капитана-наставника, вышел на пенсию и сейчас с высоты своего возраста и опыта наблюдал за карьерой двоих сыновей и одного племянника — моряков. И вот сейчас Кирилл не без гордости рассказывал отцу о прошедшем ремонте, о предстоящем рейсе и по его одобрительным взглядам понимал, что отец доволен тем, как сын продвигается по службе и постигает премудрости современного мореплавания.

Кирилл повел родителей на мостик и показал только что установленный приемник спутниковой навигационной системы "Транзит", что по тем временам было роскошью для среднего сухогруза, каким являлся т/х "Кола". Дело в том, что эту аппаратуру только-только начали устанавливать на "белые" пароходы — "пассажиры", и только их капитану никому не ведомыми путями удалось "пробить" установку этого чуда техники на их судно, что являлось предметом гордости штурманов, которые с удовольствием демонстрировали приемник "экскурсантам" со стоящих по соседству судов, вызывая неприкрытую зависть зрителям.

Отец Кирилла тоже с завистью посмотрел на демонстрацию прибора и только и сказал, что, дескать, мы о таком даже мечтать не могли, и что это ваше время пришло.

На мостике Кирилла нашел по телефону капитан.

— Старпом, кто у нас на вахте из штурманов? — он никогда не называл старпома по имени-отчеству — только по должности.

— Третий помощник, Эдвард Владимирович.

— Ты, это, замени его кем-то, а его самого пришли ко мне.

Кирилл начал выяснять, что это такое случилось, что зеленого третьего помощника нужно на отходе подменять на вахте, когда отец, повернувшись к матери сказал:

— Ну что, мать, прощайся с сыном — видишь, он работает.

Прощание много времени не заняло, мать — бывшая морячка. Кирилл проводил родителей до трапа и помазал им рукой с борта. К нему подошел второй помощник Саша, крутившийся на палубе, заканчивая погрузку. На вопрос старпома, что такое случилось, что третьего надо подменить на вахте, он выдал очередную скороговорку (разговаривал второй быстро, "без запятых", порой обрывая слова и даже не договаривая фразы, пытаясь выдать максимум информации за возможно более короткий промежуток времени):

— Да тут подъехал луноход с мигалками — а с него мент с большими звездами и прямо в надстройку — я его остановил — он сказал, что полковник, и что зароет — я сказал, что утоплю, тогда он сказал, что отец третьего помощника и ему к капитану. Капитану я позвонил — он сказал провести — я провел.

— А капитан сказал, чтоб я третьего на вахте кем-нибудь подме-

нил и самого третьего отправил к нему. Так что пока четвертый не пришел из портнадзора, считай себя на вахте — все равно на палубе с грузом разбираешься...

Саша пытался что-то сказать, но старпом знул ему повязку (тогда вахтенный помощник ходил в синей повязке) и отправился в надстройку, успев все-таки услышать, что "если старик мент, то пожалуйста — водку пить, а если нет, то и погрузку заканчивай, и на вахте..."

Не успел Кирилл войти в свою каюту, как опять зазвонил телефон: — Алексеич, тут консоаменты принесли подписывать, — застроил второй, — такой себе персик...

— Ну а я здесь при чем, звони к капитану.

— Так я звонил, трубку никто не берет.

— Ладно, давай пока ко мне, я сейчас выясню.

Кирилл, постучавшись и получив в ответ "да", вошел в салон капитана. За накрытым столом рядом с капитаном сидел тот самый "мент" — полковник милиции — и тут же зеленый третий помощник (первый рейс третьим) Миша, причем все с рюмками в руках.

— Эдвард Владимирович, там принесли консоаменты подписать, у меня пока сидят...

— Старпом, ну ты что, не видишь — у меня люди, и я занят. Придумай что-нибудь сам.

— Так консоаменты же только капитан имеет право подписывать...

— Ты понял, что я сказал?

— Понял, Эдвард Владимирович, — старпом закрыл дверь капитанской каюты и пошел к себе.

Придумать, конечно, не сложно, думал старпом, но это же консоаменты, их только капитан может подписать. А надо сказать, что поскольку всяческих бумаг капитану тогда подписывать приходилось несметное количество, то некоторые капитаны доверяли, опять же, некоторым помощникам подписывать документы за себя, причем, капитанской подписью, если, конечно, эти помощники обладали талантом достоверно подделывать капитанский автограф. При этом ни один из таких капитанов никогда помощникам нажимать этого не поручал, так что в случае, если... ну и так далее. Старпом мог воспроизвести капитанский автограф досконально, однако теперь в этом нужно как-то убедить девочку из МорТЭКа, которая принесла эти консоаменты, так как обычно такие документы подписываются в присутствии представителя этой экспедиционной конторы, то есть этой самой девочки.

Старпом вошел к себе в каюту, где второй уже рассказывал симпатичной молоденькой блондинке какую-то морскую бль.

— Здравствуйте, — сказал старпом, — чашку кофе, пепси-колу, сигарету?

— Здравствуйте, — сказал "персик", — спасибо, но у меня консоаменты, просили побыстрее...

— Консоаменты — это можно, — веселым голосом сказал старпом, — только без кофе у нас их не подписывают. Саша?

— Так я же и говорил, — застрекотал второй, подвывая чашками-ложками, — тут у нас без кофе — никаких делов...

— Ну, давайте ваши консоаменты, — старпом взял из банки из-под пива, стоящей на письменном столе, ручку, — будем подписывать?

— Ну да, будем, только вы знаете, нужно, чтобы капитан, — начал "персик" голосом провинившейся восьмиклассницы.

— Правильно, капитан, — как можно одобрительнее посмотрел на нее старпом, — смотри, Саша, — все всё знают. Капитан и подпишет, давайте!

— Но вы же... старпом?

— Старпом, а подпишет капитан, — уверенно сказал старпом, подвывая к себе пачку бланков.

— Но вы же старпом! — в отчаянии воскликнул "персик", видя, что ручка уже приближается к бумаге.

— Ты смотри, Алексеич, — пришел на помощь второй, — такая

симпатичная, а в погонах разбирается, — и, повернувшись к восьмикласснице, строго продолжил. — Вы понимаете, что капитану иногда нужно не рекламировать свое присутствие, вы видели около трапа милицйскую "волгу"?

— Видела, — прошептала восьмиклассница, переводя взгляд со второго на старпомовскую ручку, которая уже всю бегала по бумаге, воспроизводя капитанский автограф, — но...

— Никаких но, — повысил голос второй и схватил с письменного стола судовую роль, подписанную действительно капитаном, — посмотри, двоечница, здесь подписи капитана, а теперь смотри, какая подпись на консоаментах? Сравнила?

— Сравнила, — ошеломленно пробормотала "двоечница".

— Одинаковые?

— Одинаковые...

— Ну вот, а ты боялась, — снисходительно улыбнулся старпом. — А теперь успокойся и никому — ни слова, а то знаешь, милиция и прочее...

— Нет, я никому, честное слово...

Так "капитаном" были подписаны грузовые документы, никаких проблем с этим не возникло, а когда на следующий день, уже по выходу, старпом доложил обо всем капитану, тот, глядя в биннокль, сказал:

— А что, буфетчица, что ли, должна подписывать консоаменты?

Вопрос был риторический.

А судно в рейс снялось как обычно: не когда планировали, а когда предполагали, то есть, как водится, ночью, в три часа.

Все было, как обычно: сонная комиссия быстро оформила документы (судно ведь в рейс, а не из рейса — таможня работала 20 минут), портовый лоцман быстро и грамотно вывел судно на канал, пожал капитану руку, пожелал всем счастливого плавания и удачи и сошел на катер.

— На баке, якоря — по-походному, — произнес капитан всеми ожидаемую команду, — вахте — на вахту, остальные — отдыхать.

Старпомовская вахта была, как обычно, с четырех до восьми.

Не больше (если повезет). Но и не меньше.

И календарь пошел считать дни "валютных" суток, то есть тех, которые оплачивались еще и в валюте, составлявшей по тем временам основной доход моряков заграничавания.

Был Босфор с его живописными берегами, красот которых штурмана не замечают, так как до предела заняты работой, когда судно идет проливом без лоцмана (а это был как раз тот случай — капитан имел право безлоцманского прохода Босфора, как, впрочем, и других сложных в навигационном отношении районов: Балтийские проливы, Внутреннее Японское море, Восточный Сингапурский рейд). Был и помполит, стоящий у трапа, когда старпом спускался на турекий карантинный катер для оформления документов, и переживающий, не захочет ли старпом остаться на этом катере, чтобы потом попросить где-нибудь политического убежища, что означало бы немедленный и бесповоротный конец карьеры помполита (поднявшись с катера, Кирилл видел, как облегченно вздохнул "политический жожд").

Был Суэцкий канал с его крикливыми, назойливыми арабами, требующими за каждую оказанную и не оказанную услугу какой-либо оплаты и отчаянно торгующимися за каждую сигарету или кусок мыла и норовящими хоть что-нибудь стащить с судна.

Был Красное море с его изнурительной жарой и постоянной дрожью над горизонтом легким маревом.

Был и Сингапур с его невероят-

ным количеством судов как в проливе, так и на многочисленных его якорных стоянках и, конечно, с походами экипажа в город (группами по три человека во главе с офицером) за "товаром", который по приходу в Союз превращался в деньги с помощью комиссионки и других легальных и не очень способов.

И вот замаячила на горизонте таинственная страна утренней зари и сакуры, камикадзе и сумо, "Сони" и "Тойоты", гейш и якудзы и многого другого, манящего и загадочного, присущего только ей. Следующий заход — в Японию.

Эпизод второй

Старпом сидел у себя в каюте в удобном мягком кресле (спасибо югославам — позаботились о комфорте!), с удовольствием дымя послеобеденной сигаретой и обдумывая, что еще надо сделать, чтобы заслуженный послеобеденный отдых не был прерван неожиданным звонком.

Судно было надежно ошвартовано к причалу в Нагое еще в шесть утра, выгрузка налажена, за ней следит 2-й помощник, вахта проинструктирована, капитан сошел на берег с начальником радиции и помполитом на экскурсию по городским автомобильным свалкам за запчастями для своей "тойоты" (это надолго). 4-й помощник Алексей, за вахту и поведение которого отвечал по тогдашним правилам старпом, был отпущен в город с матросом Васей и практикантом Витей, получив строгое указание ни в коем случае не заходить ни в какие бары и кофейни и ни в коем случае не употреблять ничего спиртного.

Дело в том, что вчера вечером матрос Вася получил радиogramму с радостной вестью: Васина жена родила ему сына. По этому случаю Вася был вызван к старпому, который его поздравил, налил положенные в таких случаях 100 грамм и, предупредив Васину просьбу, пообещал отпустить его завтра в город с 4-м помощником. При этом добавил, что скажет четвертому, чтобы не возражал, если Вася захочет в городе взять пару бутылок чего-нибудь "горячительного" — угостить друзей по поводу такого знаменательного события. С Васи же было взято клятвенное обещание не склонять четвертого помощника к употреблению спиртного непосредственно в городе, так как это запрещено этим, этим и еще этим, а в случае если, не дай Бог, то Васе и всем, кто с ним окажется, грозит это, это и, нам понимаешь, это.

Итак, прокрутив в голове все это, а также учитывая то, что старпом с 03.30 утра не присел и даже пропустил завтрак, он решил насладиться двумя, а если удастся, то и тремя часами сна, и через 2 минуты уже лежал в койке, сладко посапывая.

Однако что-то сегодня не сложилось, и, не поспав и 30 минут, старпом уже слушал по телефону срывающийся от волнения голос вахтенного 2-го помощника:

— Алексеич, тут полиция — наших привезла — они все в крови — машина грязная — агент приехал — витрину разбили — спускайтесь к трапу!

Старпом скатился вниз, по дороге натягивая форменную куртку. У трапа стоял агент-японец, вахтенный 2-й помощник и расслабленно улыбающийся 4-й помощник, который тут же начал, как ему наверняка казалось, связно докладывать старпому результаты похода в город. Из его доклада можно было вычленил всего несколько более или менее разборчивых слов, повторенных несколько раз: "Алексеич, все в порядке, сто процентов, вернулись все, сто процентов, нормалеки, сто процентов".

Прервав этот связный доклад и отправив четвертого с помощью двух матросов в каюту спать, старпом спросил у агента, что случилось. Агент с традиционной японской невозмутимостью сказал, что ваши моряки, вероятно, очень устали, и, наверное, из-за этой усталости облокотились на зеркальную витрину бара, а по-

скольку последняя была рассчитана на мелких японских жителей, а не на могучих советских моряков, то она, витрина, рассыпалась, и он, агент, конечно, очень извиняется, но несознательный хозяин бара хочет получить в качестве возмещения ущерба 10 тысяч японских иен, и не мог бы уважаемый старший помощник передать эти 10 тысяч через него, и никаких претензий в этом случае не будет, и сделать это желательно побыстрее, т. к. полиция обещала хозяину бара проследить за положительным решением вопроса о возмещении ущерба, а полицейские ждать долго не могут, потому что в машине сильно и не очень приятно пахнет, и еще раз извините, пожалуйста, что отрываю вас от важных дел.

Проблема сдесятью тысячами иен была решена в течение трех минут — 3-й помощник по звонку старпома взял их из сейфа и вынес к трапу, где они были незамедлительно переданы агенту. На предложение вымыть полицейскую машину силами и средствами экипажа агент ответил, что у полиции есть специальные сильно- и быстродействующие моющие средства и, главное, мощные дезодоранты, и что он, агент, еще раз извиняется и надеется, что ему больше не придется отвлекать уважаемого старпома от важных дел по такому пустяшному поводу. После чего, поклонившись, спустился на причал, сел в свою машину и уехал. За ним, весело мигая синими фонарями, укатила полицейская машина, при этом все окна в ней были открыты.

Старпом проводил их взглядом и повернулся ко второму:

— Ну, а где остальные герои дня?

— Алексеич, с Васей все в порядке, его отвели в каюту и он спит, а вот практикант, — здесь второй замялся, — он тоже спит — его кореша-практиканты унесли в каюту — правда, он в крови весь, а докторина (так на судне называли женщину — судебного врача) в городе...

— Что?! — похолодел старпом, но, услышав эту новость, понял, что помощи ждать неоткуда, и огляделся вокруг.

У трапа стояли несколько человек, бросившие свою работу и прибывшие поглазеть на ЧП (а таковым это событие и являлось, как успел подумать старпом) и сейчас с интересом смотрящие на старпома (ну, и что же ты будешь делать, чиф?), впрочем, готовые выполнять его распоряжения, если таковые последуют.

Увидев среди них повараху Лору, которая, как он кстати вспомнил, выполняет по тревоге обязанности медсестры, старпом, придав своему голосу соответствующую обстановке твердость, начал отдавать распоряжения:

— Лора, на тебе вездоход, быстро в амбулаторию, включи стерилизатор с инструментами, возьми перекись и салфетки, того и другого побольше, и — вниз, в практикантскую каюту — я сейчас туда спускаюсь. Вперед! — Лора помчалась наверх по трапу.

— Боцман, выделить матроса, пусть постоянно следит, чтобы четвертый и Вася спали только боком или на животе, ни в коем случае на спине, — боцман ушел, взяв с собой матроса и на ходу высказывая свое мнение по поводу того, что, мол, набрали пацанов на флот, вот раньше, помню...

— Двое практикантов со мной, — продолжил старпом, и далее, чуть повысив голос. — Остальные — по рабочим местам, выходной никто не объявлял.

К практикантской каюте он подошел одновременно с поварахой Лорой. Открыв дверь, все вошли в каюту. Практикант Витя лежал на койке, на спине, поверх покрывала, одетый, в туфлях и спал. Со сном у него было все хорошо, значительно хуже дело обстояло с лицом, которое представляло собой что-то сплошное грязно-красно-красное, из которого выступал нос с ободранной кожей и лоскуты надорванной кожи на щеках и на лбу. Увидев эту картину, Лора попятилась к двери, к которой уже прижимались спинами двое

практикантов, стараясь не смотреть на своего товарища.

— Лора, салфетки сюда, лей перекись на салфетки, — старпом начал осторожно вытирать лицо практиканта, пытаясь определить размеры и характер полученных повреждений. Сладко спящий раненый стал проявлять беспокойство, дрыгать ногами и размахивать руками, мешая старпому и рискуя повредить себе лицо еще больше (хотя куда уже больше!).

— Один на ноги, один держит руки, — рявкнул старпом в сторону практикантов, — да смелее, не укусит, держите крепче!

И тут дверь каюты распахнулась, и на сцене появился новый персонаж:

— Кирилл Алексеевич, что там с мальчиками, давайте посмотрим, — слегка запыхавшись, тараторила докторина, подходя к койке и начиная профессиональными жестами ощупывать раны (до флота она несколько лет проработала на "скорой"). — А я иду по городу и вижу, идут наши мальчики, кто-то из них споткнулся, они упали, тут же подъехала полицейская машина и их увезли... Кирилл Алексеевич, инструменты готовы? — Будем шить.

— Мария Викторовна, может, скобки поставим, — шрамы ведь на лице останутся?

— Ну что вы, при таких ранах только швы, никаких скобок.

Лора тем временем принесла стерилизатор с инструментами и коробку со стерильным материалом, которые всегда были наготове. Надев хирургические перчатки и протянув пару таких же старпому, спросила:

— Кирилл Алексеевич, вы мне будете ассистировать? Крови не боитесь?

— Даже если боюсь, — ответил старпом без энтузиазма в голосе, — все равно больше некому. Давайте попробуем.

— Тогда садитесь сюда, я вам буду говорить, что делать. А вы, мальчики (практикантам), держите вашего товарища крепче, он сейчас будет сильно дергаться. — Мария Викторовна, — забеспокоился старпом, — может, тогда новокаином или еще какой-нибудь наркоз?

— Что вы, что вы! Пока еще никто не придумал наркоза лучше того, под которым он сейчас находится, — при этом докторина, зацепив зажимом большой лоскут кожи, передала зажим старпому, — оттягивайте послабнее, не бойтесь — он ничего не чувствует, а то, что он дергается — это рефлекторно.

Как раз в этот момент оперируемый практикант дернулся, сумев высвободить одну руку, и заехал ею старпому по лицу, оставив на щеке грязно-красный след (это во сне, не открывая глаз!). Тот взревел:

— Ну, вы, студенты, что, не можете вдвоем одного отрубленного удержать?! Да не воротите физиономии, смотрите, что делаете, а то он еще больше себе морду порвет и вас достанет!

Практиканты-ассистенты повернули лица в сторону раненого и крепче сжали его руки и ноги. Докторина накладывала швы, размахивала зажимами, иглой, отрезала ножницами и скальпелем что-то лишнее, совершенно бесцеремонно оттягивая, натягивая, прижимая и соединяя лоскуты кожи, при этом, казалось, насколько не обращая внимания на то, что все это проводилось на лице живого, хотя и крепко спящего человека.

Вдруг практикант, державший руки, дрожащим голосом обратился к старпому:

— Кирилл Алексеевич, не могли бы вы меня подменить?

Старпом хотел было уже ответить что-то резкое и где-то даже не совсем цензурное, но, глянув на позеленевшее лицо практиканта и его расширенные глаза, рявкнул:

— Три минуты — и назад. Не забудь помыть руки и прополоскать пасть! — при этом одной рукой перерывал руки оперируемого, а другой продолжая удерживать зажим с лоскутом кожи, который докторина как раз пришивала к носу...

Вся операция заняла примерно около часа. Лицо пострадавшего было укутано салфетками и бинтами так, что были видны только глаза и часть рта — для дыхания, — после чего он был переведен в разряд выздоравливающих и оставлен досыпать под наблюдением своих друзей практикантов.

Расследование обстоятельств случившегося, проведенное старпомом в этот же день, и, в основном, на следующий (так как главные действующие лица смогли дать показания только на следующий день) позволило восстановить картину происшествия. Если коротко, то дело было так.

Утром, после завтрака, группа советских моряков (в составе упомянутых троих человек (в точности как предписывали Правила поведения советского моряка за границей) отправилась в город для осмотра местных достопримечательностей и знакомства с образцами древней японской культуры. Других причин для увольнения в город Правил просто не предусматривали.

Участники экскурсии по дороге от судна до проходной порта оживленно обсуждали план проведения экскурсии и, выйдя за проходную, здраво рассудили, что поскольку японская культура является очень древней, то, скорее всего, она подождет еще немного до встречи с любознательными моряками, тогда как магазин с горячительными напитками может и закрыться, а заветная бутылка должна быть приобретена вне зависимости от расписания работы японских магазинов или от правил их антиалкогольной кампании, если, конечно, она у них ведется. Поэтому, подойдя к первому же магазину, торгующему алкоголем, экскурсанты зашли в него и потребовали у улыбающейся и все время кланяющейся пожилой продавщицы, как научили старшие товарищи:

— Бутылку "Оушен виски"! ("Самое дешевое пойло с нормальным градусом, хотя и воняет сильно", — как сказал боцман.)

Продавщица на удивление сразу поняла их японский с русским акцентом язык и подала им большую бутылку, которая была подвернута тщательному изучению на предмет совпадения известных характерных признаков, а именно: 1) Название — "Оушен виски" — есть! 2) Крепость — 78% — есть! 3) Количество — 1250 мл — есть! — Берем, — сказал старший группы 4-й помощник.

— Канает, — сказал матрос Вася. — Заверните, — сказал практикант Витя, и группа вышла из магазина, искренне полагая, что начнет сейчас знакомство с этой загадочной культурой.

Однако очень быстро выяснилось, что нести пакет с большой бутылкой неудобно и, посоветовавшись, участники забега единогласно решили бутылку выпить, а на обратном пути купить такую же, тем более что "и ребятам больше достанется, — мы ж уже пить не будем", — как сказал Вася. Погода была хорошая, уютный и ухоженный скверик — рядом, сигареты для закуски — в кармане — так почему нет?

Несмотря на все благоприятные обстоятельства, после ополовинивания бутылки было решено все-таки зайти "в ихнюю забегаловку, взять ихней закуски и там допить". Что и было сделано. После чего, выходя из "ихней забегаловки", экскурсанты приняли чисто вымытую стеклянную витрину за открытую дверь и вышли через нее, при этом не обратив внимания на разлетающиеся осколки.

Далее очевидцы из группы экскурсантов под предводительством докторины Марии Викторовны рассказали, что они увидели "троих наших", нетвердо ступающих по проезжей части, и так как тротуары в Японии узкие, они шли в ряд, занимая всю его ширину, держа друг друга под руки и легко напевая незатейливый мотивчик, причем каждый напевал свой любимый. И тут кто-то из них споткнулся и все трое полетели носом в асфальт, причем тот, кто шел слева, упал на свободную левую руку, тот, кто шел справа, упал на правую руку,

ну, а практиканту Вите "повезло" — поскольку обе руки у него были заняты, свободной оставалась лишь голова (главным образом, передняя ее часть), которая и приняла на себя весь удар.

И вот тут подъехала полицейская машина, которая, скорее всего, уже давно сопровождала ценителей японской культуры и, погрузив их "в ихний луноход", увезла на судно.

Вывяснив все детали ЧП, старпом отправился на доклад к капитану. По дороге его остановил практикант Витя с перевязанным и заклеенным пластырем лицом, густо разрисованным к тому же зеленой (та еще картина!):

— Кирилл Алексеевич, я уже вещи собрал, когда уезжать?

— Куда?! — опешил старпом. — Как куда — домой. Я понимаю, что после всего вы меня на судне держать не будете, да и на училище можно поставить крест, — глухо закончил Витя.

— А ты думаешь, тебя за твои подвиги наградят бесплатным билетом на самолет с длинноногими стюардессами?! Быстро в койку, выздоравливай, и чтоб по судну не шлялся до особого распоряжения.

Капитан с помполитом и начальником радиции были заняты важным делом — ревизией автозапчастей, привезенных вчера со свалки. Спросив разрешения, старпом вошел в заваленный грязными железками капитанский салон и, обращаясь к капитану, спросил:

— Эдвард Владимирович, что будем делать со вчерашними героями — будем сообщать в пароходство и в училище?

— Какими героями? — спросил капитан, продолжая ковырять шарнир постоянных угловых скоростей (в простонародье именуемый "гранатой"), — не знаю никаких героев, — и, глянув на помполита, спросил. — Володя, ты видел каких-то героев? У нас на судне что, пьянка была?

Помполит Володя озадаченно посмотрел на капитана, потом лицо его просветлело — сообразил!

— Так нет, никакой пьянки не было, я никого не видел!

Капитан удовлетворенно кивнул головой и, обращаясь к старпому, спросил:

— Понял, старпом? Всем троим — до Союза "без берега", кроме Сингапура, а практиканту скажи, что если будет плохо работать оставшуюся часть рейса — сообщим в училище со всеми вытекающими последствиями. Думаю, у тебя на палубе до прихода в Одессу лучшего работника не будет.

Выйдя из капитанской каюты, старпом облегченно вздохнул: никакого рапорта писать не надо и, похоже, все обойдется для экскурсантов "малой кровью". Хотя, тут же подумал он, все равно какая-то сволочь стукнет в партком, но это уже проблемы капитана, а он их решать умеет.

Таким образом, одним вопросом ЧП было переквалифицировано в мелкое нарушение, не требующее вмешательства извне, однако повлекшее за собой чувствительные, но не влияющие на дальнейшее трудоустройство, последствия для участников культпохода.

Не больше. Но и не меньше...

Вот и закончена выгрузка в Японию, затем погрузка там же, в трех портах, стальным прокатом на Союз. И хотя каждый день на стоянках в портах и на переходе между ними был заполнен для старшего помощника до предела, однако это была просто работа, напряженная и интересная, рутинная и изнуряющая, опасная и скучная, приятная (когда хорошо сделана) и мучительная (когда нужно принять серьезное решение, а времени на обдумывание — просто нет), да мало ли как еще можно назвать работу старшего помощника капитана на судне неограниченного района плавания, тем более что рейс для него в этой должности первый, а за спиной "аж" двадцать восемь лет. Потом опять был Сингапур — догрузка каучуком, Малайзия — до-

(Окончание на 6-7 стр.)

Не больше. Но и не меньше...

(Окончание. Начало на 4-й стр.)

грузка каучуком и латексом и экскурсия в храм змей (все-таки сумел съездить!), и опять Суэц, Порт-Саид и, наконец-то, вот оно, Черное море, хотя на этот раз не приветливое и штормовое (декабрь месяц!), но свое, родное. И до дома осталось — всего ничего...

Эпизод третий

Ну, вот и Союз. На этот раз — Туапсе. Русская речь по УКВ: станнитесь на якорь, причал для вас не готов.

Стали на якорь. Через час к борту подошел катер с комиссией — 14 человек — узнаю тебя, Родина. Пограничники, карантин, карантин растений, агент Трансфлота и, конечно же, таможня, — все требуют к себе внимания, которое может выражаться также в материальной форме (что, конечно же, предпочтительнее).

Два с половиной часа неприятной бедности, фальшивых улыбок, неискренних пожеланий и неприятный осадок в душе по окончании досмотра. Граница открыта, не занятые на вахтах и работах члены экипажа могут съехать на берег с разрешения начальников служб (если, конечно, договориться с рейдовым катером).

На третий день наконец-то освободился причал, и судно было ошвартовано для выгрузки.

После окончания швартовки, "устаканивания" условий стоянки, выгрузки, снабжения бункером, пресной водой, продуктами и решения еще массы всяких малых и больших вопросов старпом зашел в каюту капитана и доложил, что "все сделано, все крутится".

Капитан кивнул, что означало одобрение, и сказал:

— Старпом, ты знаешь, что парходство мне не разрешило съездить домой?

А надо сказать, что по тем временам уехать капитану домой из любого советского порта можно было только по персональному разрешению заместителя начальника пароходства по мореплаванию, и при этом учитывались условия стоянки, время года, опыт старпома и Бог его знает, что еще. Так вот, такого разрешения капитан не получил, что, строго говоря, было объективно: декабрь месяц, плохие погоды, да и сам порт Туапсе славится тем, что во время зюйд-остовых штормов на акваторию порта заходит штормовая волна (так называемый "тягун"), и суда начинают бить о причал, при этом можно повредить как судно, так и причал. К тому же — молодой старпом — первый рейс.

— Знаю, Эдвард Владимирович.

— А мне очень надо. Так что, я поехал, а ты остаешься, — он вынул из ящика и протянул старпому печать со своим факсимиле. — На, правь! Машину можешь организовать до вокзала?

— Без проблем.

Через двадцать минут трансфлотовская машина увезла капитана на вокзал. Старпом посмотрел ей вслед и подумал, что как раз сегодня есть шанс сходить в город, так как никаких работ, кроме выгрузки (за которой следит второй помощник) не предполагалось, зато завтра с самого утра начнется бедность, и про город можно будет забыть.

Проинструктиввав вахту и договорившись со вторым помощником, что если он задержится в городе, то позвонит на судно и оставит номер телефона, по которому его можно будет найти "в случае чего", старпом сошел с борта и отправился в город на пару часов "отвлечься от этой железки".

Выбор развлечения по тем временам в Туапсе был насколько невелик, настолько же и традиционен: ресторан, обед (если повезет, то вкусный), затем уютный уголок с коньяком, кофе, приятной собеседницей, ну и дальше — "как карта ляжет". Для старпома "карта", похоже, начала ложиться, он еще из ресторана позвонил на судно и,

как обещал второму, оставил "дежурный" номер телефона.

А дальше все пошло наперекосяк. Когда коньяк уже начал греть кровь, а обстановка уютного уголка стала располагать к романтическому дуэту, вдруг зазвонил телефон, попросили старпома и слегка захлебывающийся голос второго помощника выдал очередную скороговорку:

— Алексеич, погода засвезжала — пошел тягун — один конец уже убились — лоцман уже идет к нам — выгоняют на рейд — есть трансфлотовская машина — куда ее послать?

Старпом продиктовал адрес уютного уголка, оделся, и, проклиная про себя "всю эту погоду, весь этот Туапсе с его тягунами" и невезучесть второго помощника (все ЧП обязательно на его вахте), спустился вниз. Трансфлотовская "волга" уже ждала у подъезда — расстояния в Туапсе небольшие.

К трапу мрачный Кирилл подвезал одновременно с портовым лоцманом.

— Чиф, давай срочно выходить, а то еще полчасика — и мы выйдем уже не сможем, а ты побьешь и причал, и пароход!

— Понял, понял, — отозвался старпом и повернулся ко второму, — как у нас с людьми и готова ли машина?

— Машина готова, стармех на борту, но пол-экипажа в городе, в том числе 3-й помощник. Пока выехали, еще один конец убились.

— Палубной команде аврал, вместе третьего на бак пошли четвертого, собери, кого сможешь, попроси у деда пару мотористов, — уходим.

Едва сменив "городской" плащ на штормовую куртку, старпом поднялся на мостик и огляделся. Трюма уже были закрыты (это хорошо — молодец второй!), грузовые стрелы были подняты и закреплены их по-походному уже не было времени (это плохо), два буксира уже болтались под бортом (это хорошо), но бросало их так, что они вполне могли навалиться на судно и в лучшем случае сделать вмятину, не говоря уже о том, что в такую погоду убить буксирный конец — плевое дело (это плохо).

Подбежал лоцман:

— Чиф, буксирам я уже сказал, подавай на них концы. Я тебя на рейд, конечно, не поведу — я там на катер не сойду, да и сам порт Туапсе славится тем, что во время зюйд-остовых штормов на акваторию порта заходит штормовая волна (так называемый "тягун"), и суда начинают бить о причал, при этом можно повредить как судно, так и причал. К тому же — молодой старпом — первый рейс.

И старпом смотрел. Действительно, лоцманский катер и буксиры швыряло так, что неизвестно, как на них держались люди, да и само судно ложилось на волне, получая до 10 градусов крена, и это в порту!

Лоцман действительно спрыгнул на катер, причем умудрился при этом ничего себе не поломать, о чем доложил по УКВ, пожелал удачи и попрощался. Буксиры только-только развернули судно носом на выход, сразу же отдали концы и ушли, тоже пожелав удачи.

Зеленого бугра действительно не было на штатном месте и пришлось поворачивать, полагаясь на радар, что в такой стесненной обстановке, мягко говоря, не очень надежно. Но — обошлось. Выйдя из порта, старпом направил судно на якорную стоянку и уже через двадцать минут отдал якорь.

Все это время судно резко качало. Когда судно становилось лагом (бортом) к волне, крен доходил до двадцати градусов на оба борта, и старпом молил Бога, чтобы выдержали отяжки незакрепленных по-походному грузовых стрел, а также чтобы не начал смещаться частично раскрепленный в порту груз.

Вытавив 7 смычек якорь-цепи и убедившись, что якорь держит, старпом отпустил с бака 4 помощ-

ника и боцмана, которого отправил на палубу с оставшимися на борту матросами крепить стрелы. А сам начал разбираться с обстановкой на судне.

Выяснилось следующее. 3-й помощник, еще с утра отпущенный капитаном на берег, так и не появился, там же, на берегу ослаблялись два механика, радист, плотник, два матроса, повара Лора со второй поварихой, докторина Мария Викторовна, два моториста и токарь. Помполит, как обычно на стоянке, — в партоме. Зато кроме оставшегося экипажа на борту оставались четыре женщины — жены членов экипажа и двое маленьких детей, причем жена четвертого помощника была на седьмом месяце беременности.

Получив всю эту информацию и еще не успев ее оценить, старпом заметил, что судно не выходит носом на ветер и волну, как это бывает в большинстве случаев, а остается лагом к волне, и резкая качка заставляет матросов на палубе совершать акробатические кульбиты, продолжая работу по креплению стрел. К тому же, как отметил про себя старпом, угроза подвижки груза в трюмах не только не миновала, а становится все более реальной.

Оглядевшись вокруг, он понял, что направление ветра не совпадает с направлением течения, и именно течение удерживает судно лагом к волне. А это означало, что есть только один выход — сниматься и выходить штормовать в море (как говорили древние — мореплаватели, бойся земли!).

На мостик поднялся боцман и доложил, что стрелы закреплены по-походному и попросил разрешения сходить переодеться в сухое, так как все это время дождь не прекращался, да и бортом время от времени черпали воду, так что все промокши до нитки (или "до кожи"), как в этом случае говорят англичане). Стармех находился тут же, поднявшись на мостик после постановки на якорь, доложить, что, несмотря на сокращенный состав машинной команды, энергетическая установка продолжает функционировать, хотя и в напряженном режиме.

— Так вот, товарищи мореплаватели, — обратился старпом к стоящим на мостике, — как вы сами видите, валяет нас по-взрослому, и нет никакой гарантии, что не станет хуже. Поэтому, дед, давай в машину, боцман с четвертым на бак, и будем сниматься с якоря и выходить штормовать в море. Снимаемся — переоденешся и отдохнешь, — это уже персонально боцману, — сохранишь сухим лишний комплект робы.

Когда начали вить канат, часы показывали 01.40. В 02.20, закрепив якоря по-походному, легли носом на волну и дали средний ход. При таком курсе получалось — на Турцию, зато бортовая качка прекратилась, а началась килевая, что уже приятнее, а главное — безопаснее. Старпом по УКВ доложил диспетчеру об отходе, попросил его отметить, что судно официально отход не оформило, так как выход был аварийный, и времени на формальности не было. Диспетчер ответил, что для Туапсе это не редкость и проблем не будет. Попрощавшись с диспетчером и получив в ответ очередное "Удачи", старпом уже хотел положить трубку, как в динамике раздался веселый голос супервайзера Трансфлота Наташи:

— "Кола", я тут слышала, вы снялись штормовать, а что я буду делать с вашим экипажем? Из ресторана их уже попросили, а ночевать им негде. Они у меня тут сидят, пока еще веселые, но полагаю, что скоро поскукнеют. Прием.

— Ну-у, — нажал тангенту старпом, — а какие есть варианты? Прием.

— Ну, я могу попробовать дог-

вориться с межрейсовой базой, но для этого нужна радиогамма за подписью капитана, что оплата гарантирована, кроме того, я слышала, что у них там все забито, так что я не знаю... Прием.

— Так, Наташа, — обрадовался

старпом, — радиогамма будет через пять минут, а что касается свободных мест, то я на тебя, Наташа, надеюсь, а за нами не заржавеет.

Прием. Так, теперь мы еще должны Трансфлоту за организацию ночлега, — отметил старпом.

— Ну хорошо, Кирилл, только для тебя ("Наверное!") — подумал Кирилл. Удачи! До связи.

— И тебе того же, спасительница ты наша. До связи.

Отпустив всех, кроме вахты, отды- хать, старпом отметил на карте точку, на подходе к которой надо ему позвонить (не в Турцию же действительно идти, надо поворачивать!) и повернулся ко второму, который, переодевшись в сухое, уже принял вахту.

— Спокойной вахты, Саша, и по- жалуйста, без сюрпризов — ты, по- моему, все лимиты ЧП на своей вах- те в этом рейсе уже давно выбрал.

— Алексеич, да все, что от меня зависит... да я разве не пони- маю... ну, так получается, ну я не виноват...

Спустившись в каюту, Кирилл, не раздеваясь, прилег на диван и че- рез две минуты провалился в сон.

Разбудил его, как он и предпо- лагал, телефон. Однако звонок был не с мостика. Звонила буфет- чица Глафира:

— Алексеич, поваров нету, я тут за старшую, надо людей кормить, а хлеба только-только на завтрак хватит! А дальше что?

— Ну так поставь опару, и к обе- ду будет свежий хлеб! Учить тебя надо?

— Так я б выпекла, так нету же дрожжей...

Окончательно проснувшись, Кирилл вспомнил, что дрожжи действительно закончились. Дело в том, что закупать продукты за границей разрешалось только чтобы хватило впритык до прихода в Союз, то есть до открытия границы, и никого не волновало, что может испортиться погода, судно выйдет штормовать и т. д., и он сам заказал вчера хлеб, кото- рый клятвенно пообещали под- везти сегодня до обеда. Но к при- чалу, а не за сто миль от берега. Напрягшись, он вспомнил, что ма- ма говорила, что можно печь ле- пешки без дрожжей, на соде, хотя абсолютно не представлял, как это практически делается. Однако Глафире он уверенно сказал:

— Значит, спеки лепешки на со- де, маленькая, что ли?

— Алексеич, я никогда так не делала, может, вы спуститесь и покажете?

— Хорошо, спущусь, — буркнул старпом, думая, что же он такое должен показать Глафире, чтобы в результате экипажу на обед был приготовлен какой-никакой хлеб.

Положив трубку, он накинул куртку и поднялся на мостик. Оглядевшись, он отметил, что судно ведет себя весьма прилично. Хотя и силь- но зарывается во встречную волну на килевой качке (но на то оно и судно неограниченного района пла- вания, чтобы плавать в любую пого- ду), зато почти не было бортовой, и, если продолжать идти так и даль- ше, то за груз можно не волновать- ся. А с другой стороны, поворачи- вать рано или поздно надо, и во время поворота судно на некоторое время станет лагом к волне и его обязательно сильно положит, и вот тогда груз может сместиться и...

Его размышления были прерва- ны приходом на мостик и мотори- ста, и четвертого механика, кото- рый от двери начал плакаться:

— Алексеич, я говорил ей — си- ди дома, все равно ж после Туап- се в Одессу пойдем, а она — я со- скущилась ужасно, хочу тебя ви- деть срочно...

— Я понял, понял, только я здесь причем? — недоуменно спросил старпом.

— Так я и говорю, мало того что она сама приперлась, так еще и пацана с собой привезла, а те- перь у нее болит голова, у него живот, и они оба укачались, а мне, между прочим, на вахту надо, а не ходить за ними и каюту убирать... Так может, вы пару каких-то таб-

леток дадите, докторина-то на бе- регу осталась...

— Да, Алексеич, — подключился моторист, — и мой бы что-нибудь от головы и от качки...

Старпом вздохнул, отцепил "вездеход", всегда висевший на ремне на карабине и сказал:

— Ладно, пойдем в амбулатори- ю, что-нибудь поищем.

Войдя в амбулаторию и открыв рундук с лекарствами, Кирилл стал перебирать разноцветные пакетики и конвалюты, пытаюсь найти знакомые названия. В ре- зультате поисков родственникам пациентов были выданы таблетки "пятачки" от головной боли и бесалол "от живота".

— А от качки? — четвертый ме- ханик обиженно посмотрел на Кирилла.

— Да вы что, ребята, где вы ви- дели таблетки, которые помогают от качки? Вы что, первый раз на судне?!

— Да я знаю, Алексеич, вы ей любую безвредную таблетку дай- те, а я скажу, что это от качки, и она успокоится, а иначе — не от- станет.

— Да-да, — подключился мото- рист, — и мне безвредную, моя тоже не отстанет.

— Ну, есть вот тут азрон, — про- ткнул старпом. — Считается, что это от качки, но вы же знаете, что он — как рыбе зонтик!

— Пойдет! — единогласно реши- ли пострадавшие мужья и ушли успокаивать своих благоверных, унося каждый по упаковке беспо- лезного азрона.

Наконец-то старпом смог спу- ститься на камбуз. Там его ждала буфетчица Глаша, подготовившая муку и соду. Кирилл где-то видел (скорее всего, у мамы на кухне), что в соду заливается уксус, раз- мешивается, а потом во что-то вы- ливается. А вот во что именно, и подводит ли этот рецепт для лепе- шек, он не имел ни малейшего представления. Тем не менее, по- требовал уксус, он загасил им со- ду, вылил все это в кастрюлю, до- бавил муки ("сколько возьмет", — как говорила бабушка), посолил и потребовал все это размешать и из этого выпечь на сковороде ле- пешки, не забыв налить на сково- родку растительного масла. Затем Глафире следовало позвонить ему и пригласить для снятия пробы.

По дороге в свою каюту его до- гнал стармех:

— Штурман (так называл его приятель-стармех, в ответ на что Кирилл стал называть его не ина- че как инженером), я тебя ишу — у нас проблема. Пресной воды и так осталось всего ничего, нам же у причала вчера не дали, а на этой качке насос со дна танка не берет и, в общем, воды в системе нет.

— Вы что, сговорились все мне сюрпризы подкидывать, сколько можно?

— Штурман, ты у нас теперь ко- мандир, принимай решение, — с ироничной улыбкой проговорил стармех. — Только знай — что бы ты ни решил, насос все равно во- ду из танка не возьмет.

— Ну вот, — подумал Кирилл, — теперь еще, ко всему прочему, не побриться, не помыться... При чем тут побриться? А камбуз — гото- вить обед, кормить экипаж? А же- ны с детьми поукачивались, азрон кушают — это ж всем вода нужна!

Вызвав в каюту боцмана, Ки- рилл озвучил ему в муках приня- тое решение:

— Возьми ребят, кто там у тебя остался, пусть вскрывают горло- вину мытьевого танка. А сам соби- рай, сколько найдешь, ведра и банки — будем раздавать воду экипажу. В первую очередь обес- печь камбуз, а женам и детям му- жья сами пусть носят.

Боцман, пробормотав что-то не- определенно-нелитературное, от- правился обеспечивать экипаж водой. Кириллу почему-то вспо- минался кинофильм "Жажда": "Вот черт, тоже мне Поженин!" — одер- нул он себя.

В течение следующих тридцати минут старпом еще два раза ходил в амбулаторию за таблетками, так

как жена 4-го механика поделилась с подружкой, что "муж достал ей чудесные таблетки, она их приняла и сейчас прекрасно себя чувствует, хотя, конечно, все равно тошнит". Выдав "чудесные" таблетки в очередной раз, он взял несколько упаковок к себе в каюту, чтобы каждый раз не бегать в амбулаторию, тем более что для того чтобы туда попасть, нужно было выходить на открытую палубу, а дождь все продолжался, да и холодный ветер не утихал.

Однако на этом медицинские экзерсисы Кирилла не закончились. После завтрака к нему в каюту прибыл 4-й помощник и, помявшись у двери (что было для него уж очень не характерно), попросил:

— Алексеич, мне бы тоже пару таблеток...

— Тебе?! От чего?

— Да нет, не мне, жене.

— А, это другое дело, — старпом полез в ящик за таблетками, мысленно похвалив себя за предусмотрительность. — Какие: от головы, от живота, от качки?

— Да, понимаете, она у меня беременная, шесть месяцев...

— Я понимаю, ты говорил, так от чего — от головы, от живота, от качки?

— Да нет, понимаете у нее там кровь пошла, может вы посмотрите?

И тут до старпома дошло.

— Что?! Куда я должен посмотреть и что я там должен увидеть?! Ты думаешь, что говоришь?

— Понимаете, — наконец-то покраснел Алексей, — я там тоже ничего не вижу... Может, какую-нибудь таблетку, а?

Далее, как в известном фильме, последовала непереводаемая игра слов с использованием непереводаемых идиоматических конструкций.

Однако после нескольких минут упражнений в риторике Кирилл понял, что что-то делать все равно нужно, и делать это придется ему. Успокоившись и поразмыслив, он предположил, что такого рода "болезни" женщины должны знать "по определению", и в конечном итоге, с помощью жены 4-го механика и медицинских специалистов выдал девятнадцатилетней плачущей девочке таблетки, который ей помогли и, как оказалось позже, после консультации с врачом на берегу, были "выписаны" совершенно правильно. Название этого лекарства Кирилл запомнил на всю жизнь.

Закончив все эти медицинские и санитарно-профилактические мероприятия, старпом наконец-то добрался до мостика. Медицина медициной, а судно все-таки хоть и медленно, но уверенно продвигалось в сторону Турции, и старпом вовсе не был уверен, что, несмотря на уверение туапсинского диспетчера, выход судна без официального оформления в портназдоре, у пограничников и в таможене пройдет для него без последствий.

Прочитав на мостике свежую сводку погоды, Кирилл отметил, что шторм не утихает, но и не усиливается, и в районе Туапсе хуже не стало, а значит, можно было разворачиваться в сторону советского берега.

Оставался неясненным один вопрос: как себя поведет в трюмах частично раскрепленный груз во время поворота на обратный курс, ведь на некоторое время судно станет опять лагом к волне и его должно сильно накренить. Так вот, сместится ли при этом груз? Если нет, то все в порядке и можно сделать еще один такой галс, или столько, сколько еще понадобится до улучшения погоды. А вот если — да, то о последствиях даже не хотелось думать.

Тем не менее, поворачивать все-таки было нужно, и старпом договорился со стармехом, что на время самого поворота он выжмет из машины все, что можно, чтобы поворот был выполнен как можно быстрее для уменьшения количества размахов бортовой качки.

Решение было принято, и от этого стало вроде бы немного легче, однако, когда все были готовы к повороту, Кирилл все-таки какое-то время не решался да-

вать команду на поворот. Но делать нечего...

— Полный вперед, — и минуты через три, когда главный двигатель набрал обещанные стармехом обороты: — Право на борт!

Судно начало катиться вправо. Кирилл вышел на подветренное крыло, чтобы услышать, если в трюме загрохочет сместившийся груз стального проката и труб (спаси и сохрани!).

Судно начало крениться. Первый размах — 10 градусов крена ("ну, это ерунда"). Второй — 20 градусов ("ого, это уже сильно"), третий — 28 градусов ("не дай Бог!"), четвертый — 32 градуса (...), пятый — 26 градусов ("похоже, уменьшается"), шестой — 18 градусов ("пронесло!"). Судно легло на обратный курс.

— Ну вот, — произнес Кирилл, заходя на мостик с крыла и обращаясь к стоящим на мостике и не спускающим глаз с кренометра второму помощнику, начальнику рации и матросу на руле, — а вы боялись. Еще повоюем!

И только спустившись в каюту и прикурив сигарету с третьего раза, Кирилл обратил внимание, как дрожат руки. Ну, что ж, — припомнил он фразу, традиционно объясняющую все перипетии морской жизни, — кто на кого учился!

Еще два раза пришлось поворачивать на обратный курс, ожидая, когда погода улучшится настолько, что можно будет подойти к берегу и безопасно стать на якорную стоянку порта Туапсе.

И когда наконец-то погода смиловалась, разрешение на постановку на якорь было получено, и судно стало на рейд, на связь по УКВ вышел капитан, который уже приехал из Одессы:

— Ну, как, старпом, что на судне?

— Добрый день, Эдвард Владимирович, — ответил старпом, понимая, что капитан не ждет от него сейчас каких-то подробностей — это можно выяснить потом, а сейчас он хочет услышать только одну фразу, и он ее услышал, — на судне все в порядке, ждем вас на борту.

— Добро, я сейчас подойду на лоцботе, прикройте меня — погода для лоцбота еще свежая.

Кирилл подработал машиной и рулем так, чтобы развернуть судно на якорь и принять лоцбот с подветренного борта. Капитан поднялся к себе в каюту, и старпом зашел следом доложить о том, что произошло за эти трое суток.

Доклад занял не более трех минут — "без лирики", печать с капитанским факсимиле была возвращена на место — в ящик капитанского стола.

— Добро, — отреагировал капитан на доклад, — свободен.

Кирилл вышел из каюты капитана несколько обескураженный: он, конечно, не ожидал бурных изъятий восторга по поводу совершенного им "подвига", но простого "спасибо" ему вполне хватило бы. Все-таки он сам, без чьего-то разрешения или совета принимал достаточно серьезные решения в экстремальной обстановке, и, в конце концов, он "прикрыл" капитана от гнева начальства, так как если бы что-то было сделано неправильно, то сразу бы выяснилось, что капитана на борту не было, и уехал он в Одессу нелегально, вопреки запрещению пароходского начальства, и тогда... В общем — мало бы не показалось.

А потом была Одесса, потом отпуск, курсы повышения квалификации, затем опять судно, новые рейсы, новые эпизоды, ну, в общем, работа как работа.

И только через пару лет работы старпомом, когда Кирилл прошел еще через несколько подобных и еще всяких других случаев, он понял, что капитан был тогда прав, никакого подвига старпом не совершил, он просто нормально делал свою работу, для выполнения которой он учился и за выполнение которой он получает положенную зарплату.

Не больше. Но и не меньше...

Татьяна ОРБАТОВА

Смеющийся ангел

Сначала ангел сообщил мне о моем бессмертии. Потом поведал о смертном грехе, который я совершила в пятнадцать лет. Какой именно, не уточнял — перестал говорить со мной. Много лет я была в сомнениях и однажды надела розовые очки, подаренные ангелом в пятый сочельник от моего рождения, и вышла на улицу. Люди были синими, улицы — голубыми, а желто-красные флаги — фиолетовыми. "Странно. Очки-то розовые..." — подумала я и сняла их. Люди были синими, улицы — голубыми, а желто-красные флаги — фиолетовыми.

"Все имеет другой цвет?" — подумала я и снова надела розовые очки. Картина не изменилась.

— Пессимизма в тебе многовато, — произнес у газетного киоска какой-то старик, водружая на свои утиль-морщины противогаз. Его лицо сразу же стало молодым, глаза — размером с неспелое яблоко, а нос — забавно утонченным. Захотелось смеяться.

— Смеешься ты многовато, — буркнул украшенный противогазом продавец мороженого, распечатывая на ксероксе пломбир и раздавая его прохожим вместе с призывом "Голосуйте за

тех, кто в противогазах". Одну порцию он насильно впилил мне в руки. Мороженое было плоским и текло с ладоней цинковыми буквами. Захотелось плакать...

— Плачешь ты многовато, — злобно прошептал агент похоронного бюро, одновременно примеряя противогаз и закатывая в руло гробы, предназначенные для тех, кто еще не умер и пока не собирался. Гробы, похожие на металлическую стружку, мягко стекали по полу, демонстрируя свою холодную элегантность. Захотелось купить боа.

— Боа стоит многовато, — с сомнением глянула на меня заведующая фирменным магазином, и, придерживая коленом сползающий с высокой башни-прически противогаз, принялась выщипывать из боа синие перья, чтобы покупка была мне по карману. Когда осталось всего несколько перьев, заведующая потребовала, чтобы я заплатила за боа полную цену. Увидев в моих молчаливых глазах несогласие, она предложила компромисс — я не плачу за боа, зато беру в подарок противогаз.

Я сняла розовые очки и примерила противогаз. Люди, улицы и флаги приобрели свой обычный

окрас. Все бы хорошо, но вот мой рот... В нем что-то мешало нормальному общению с людьми в противогазах. То ли язык онемел, то ли челюсти свело...

— От чьих-то штампованных слов у тебя полная щека, — услышала я голос. Это был ангел, который подзабыл, как выражать мысли вслух, так как не разговаривал с того момента, как мне исполнилось пятнадцать.

Я сняла противогаз и, набрав в легкие как можно больше воздуха, плюнула. Ангел рассмеялся, а чужие слова разлетелись из моего рта во все стороны, сначала затопив улицы родного города, а затем сотворив настоящее стихийное бедствие по всей стране. Люди бежали в панике по улицам городов, размахивая флагами и срывая друг с друга противогазы. А я все плевалась и плевалась... Голубыми газетными киосками, васильковыми плоскими пломбирами, уютными фиолетовыми гробами, синими ошипанными боа. Последнее, что я выплюнула, были розовые очки... Ангел, содрогаясь от хохота, поднял их с асфальта и примерил. Оглядевшись вокруг, он удивленно воскликнул:

— Надо же! Какую удачную штамповку избрал Главный!..

В 2004 году, в июле, умерла педагог и литератор

Аделаида Ивановна Дубицкая.

Остались ее ученики, ее друзья, остались ее стихи...

Аделаида ДУБИЦКАЯ

Ухожу в стихи,
как снега в ручьи,
как вода в песок —
исчезаю...

Ты меня теперь
лучше не ищи,
я не знаю, где
обитаю...

Только чувствую,
что еще жива,
глубоко-глубинно,
подспудно.

Не найдут меня
там ничьи слова,
никому я там
неподсудна.

В тот особый мир
ты б попасть не смог,
туда можно лишь
просочиться —

Как снега — в ручьи,
как вода — в песок...
но с тобою так —
не случится...

Русский африканец,
стилизованный под иудея,
Черной тушью

бакенбардов
оживает в профиль
на твоих страницах.
Кудрявый танец,
острый кудрявый танец,
Черный танец твоего пера
на твоих рукописях
Мне всю жизнь
то ли видится,
то ли снится.

В ожидании
под цветущей липой
Своим режущим почерком
ты кромсал
страницы белого блокнота.
На свиданье,
опоздав, как полагалось
(навсегда, как оказалось),
Я примчалась,

невразумительно лепетала
оправдательное что-то...
Твои плечи все сердились
и вздымались
над скамейкой
ледяным Казбеком
и Эльбрусом.
Нежный вечер
сдался нам на милость
и утешил
легким примиреньем
каждого по вкусу.

...Русский африканец,
стилизованный под иудея,
в черном котелке,
опершись на парапет,
стоял над Невою...

...Черный танец
огромного зонта,
спасая от дождя,
кружил и вертел
черный котелок
над кудрявой головою.

...Белый танец
узорчатых просветов
чернеющей ограды
вдруг перечеркивался
тончайшей тростью —

Русский африканец,
стилизованный под иудея,
с изящным поклоном
на берегу Невы
встречает гостью...

Старинные одежды,
вычурные шляпы,
длинные плащи,
гармония линий —

Все мои надежды
эти росчерки пера —
черного пера —
бережно сохранили.

...На страницах рукописей
твоего изящного
моего любимого
белого блокнота

На закате дней
с твоего пера
в бакенбардах поэта
застыть
черной жемчужинкой —
вот и вся забота.

Усталые уста
впечатаны в молчание...
Усталые глаза
прощальны и мудры...
Не жги и не боли
во мне, мое отчаянье!
Не вздрагивайте, пальцы!
О, будьте так добры!

Не выдайте, глаза
меня слезой непрошеной...
О голос, не сорвись
до сумрачной тоски!
Будь счастлив,
мой нечаянный,
печалью запорошенный...
О сердце!
Ты зачем
колотись в виски?

Носятся по галактикам
космические скитальцы —
Стружки цивилизаций,
осколки белых миров.
От пустоты и холода
некуда им деваться...
Был и у них когда-то
надежный и светлый кров.
Им подарили планету
с озерами и лесами,
Теплую и туманную —
думай, живи, смотри...
Они же с этой игрушкой
не знали, что делать,

сами —
Вот-вот разберут на части,
чтоб глянуть,
что там, внутри.

Остановить безумье
могли еще попытаться
Гордые астронавты
из звездного далека...

...Носятся по галактикам
космические скитальцы,
Бездомными
став однажды,
печальными — на века...

Публикация Ефима Ярошевского